

Церемония бала как форма общественного времяпрепровождения в городах юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.)

Галина Алексеевна Андриец,
кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: andriets2005@list.ru

Автор анализирует церемонию бала как одну из общепринятых форм культурного времяпрепровождения дальневосточных горожан во второй половине XIX — начале XX в., отмечает особую роль и значимость маскарада, бала-маскарада, танцевального вечера.

Ключевые слова: культура, досуг, свободное время, церемония бала, маскарад, бал-маскарад, танцевальный вечер.

The ball ceremony as a form of social activities in the southern cities of the Russian Far East (the second half of 19th — the beginning of the 20th century).

Galina Andriets, Cand. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article gives analysis of the ball ceremony as one of the generally accepted forms of cultural activities among the Far Eastern dwellers in the second half of 19th — the early 20th century. It also notes a special role and importance of masquerade and dancing party.

Key words: culture, leisure, spare time, the ball ceremony, masquerade, masquerade dancing party.

Пространство городской культуры изначально формировалось на основе традиций и творческой инициативы разных социальных групп. В досуговой сфере важную роль играли традиции «праздного сословия», которые в XIX в. стали общепринятым эталоном организации свободного времени.

Своеобразным актом общественного представительства дворянского сословия были светские церемонии и ритуалы, которые преимущественно преследовали символические цели. Ритуал приобщал людей к определённой социальной группе, что особенно ярко проявлялось в балльной церемонии. Бал — большой танцевальный вечер. С одной стороны, он являлся «сферой, противоположной службе, — областью непринуждён-

ного общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела» [16, с. 91].

В отечественной исторической науке значительное количество работ посвящено описанию светских церемониалов [7; 18; 26] и отдельным их культурным аспектам в ряде трудов по истории этикета, костюма и хореографии [2; 3; 6; 11; 13; 19]. Работы О.Ю. Захаровой и А.В. Колесниковой [9; 10; 14] предлагают комплексное описание феномена бала, его специфики в истории русской культуры XVIII — начала XX в. Однако бальная церемония второй половины XIX — начала XX в. в дальневосточных российских городах осталась без должного внимания исследователей. Восполнив этот пробел, можно получить более полную картину общественного времяпрепровождения на рубеже XIX — XX вв.

Со второй половины XIX в. большую популярность в высшем обществе России приобрели публичные балы, обязательной принадлежностью которых был оркестр. Танцы под фортепиано балом не считались. Кроме танцев церемония бала включала дополнительные развлечения: небольшой концерт специально приглашённых артистов или любителей (певцов и музыкантов) из числа гостей, «живые картины», любительский спектакль. Иногда мероприятие носило благотворительный характер и сопровождалось лотереями, базарами, аукционами. В заключение устраивался ужин. Для дальневосточного общества бал (бал-маскарад) играл особую роль как одно из немногих развлечений окраины. К нему готовились особенно тщательно: заранее давалось объявление о предстоящем мероприятии, составлялись списки приглашённых и текст приглашения, заказывалась музыка, продумывалась программа вечера и оформление интерьера зала.

Инициаторами и организаторами многих культурных мероприятий, в том числе танцевальных вечеров (заменивших на дальневосточной окраине простые балы) и маскарадных балов, были обычно жёны высокопоставленных чиновников. Например, во второй половине XIX в. душой всех развлечений немногочисленного николаевского общества были две дамы — Е.И. Невельская и Е.О. Бачманова. В зимний сезон 1855 г. «...до Великого поста у Г.И. Невельского было дано до шести танцевальных вечеров», на которых публика под аккомпанемент балалайки и «несчастной» скрипки плясала от души, несмотря на отсутствие дам (две дамы на всю компанию). Вечера проходили очень оживлённо и до трёх часов ночи никто не расходился. На Святки провели маскарад, где были представлены замечательные костюмы, показавшие, по мнению местного обозревателя, что Николаевск «может превосходить многие губернские города в России» [1, с. 147—148].

Начало, последовательность и окончание бального церемониала были строго регламентированы. Первым танцем всегда был полонез —

танец-парад, где порядок пар находился в прямом соответствии с Табелью о рангах и светским этикетом. Далее следовали вальс и мазурка. Заключал бал котильон (вид кадрили) — танец-игра, непринуждённый и весёлый. Он включал в себя и выбор партнёров, и самые разные забавы и розыгрыши.

Значительное количество балов проводилось в общественно-культурных учреждениях по случаю государственных и календарных праздников. В зависимости от места проведения бал превращался либо в официальное торжество, либо в частный приём. В любом случае строго соблюдался регламентированный традицией порядок, требующий от участников бала следования определённым правилам поведения, которые со временем стали восприниматься как сугубо формальные. Так, в Благородном собрании Николаевска-на-Амуре 2 октября 1865 г. прощальный бал в честь контр-адмирала Петра Васильевича Казакевича, по мнению наблюдателя, прошёл «как и все балы, если не скучнее других», поскольку «общество было настроено не веселиться, а прощаться» [4, 1865, 9 окт., с. 113]. Присутствующие выражали благодарность Его Высочеству, положившему начало Сибирской флотилии, пожертвовавшему определённую сумму на устройство первого культурного учреждения — Благородного собрания и ходатайствовавшему о предоставлении морякам тех привилегий, которыми в то время не пользовалась ни одна служба в России.

Особенность балов в городах Дальнего Востока заключалась в том, что из-за отсутствия помещений для их проведения они устраивались в «необычных местах». Во Владивостоке, например, большую популярность получили балы на кораблях Императорского Тихоокеанского флота. Так, в июле 1894 г., по воспоминаниям г-жи Прей, состоялся грандиозный бал на борту флагманского корабля «Адмирал Нахимов», нарядное убранство которого подчёркивало пышность торжества. Для танцев было отведено пространство на кормовой палубе. Оно «было сделано в виде шатра» из чередовавшихся голубых и белых полос, в самой верхней точке которого «находилась большая масса зелёных веток», насчитывавшая «около пятидесяти лампочек накаливания» [27, с. 217—218].

Одним из любимых развлечений светского общества как в центре России, так и в городах Дальнего Востока был маскарад — костюмированный бал. В Морском собрании Владивостока вечера-маскарады проводились регулярно, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Газета «Владивосток» (№ 5 за 1894 г.) сообщала: «15 января в Морском собрании бесплатный членский маскарад. Начало в 9 часов вечера. До часу ночи маски не снимаются» [ГАПК. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 13. Л. 134]. Этим местные офицеры отличались от хабаровских военнослужащих, которые запрещали маскарадные представления в стенах своего Военного собрания.

Известны так называемые аллегорические маскарады — театрализованные действия, разыгранные по заранее написанному сценарию, обычно с нравоучительным сюжетом. Подобные зрелища устраивались на городских улицах и площадях, и публика любовалась ими из окон, с бал-

конов и крыш домов. Обычно они проводились в дни общенародных гуляний и праздников, на городских ярмарках.

Другой тип маскарада — бал-маскарад — не предусматривал разделения на актёров и зрителей, но пользовался особой популярностью в дальневосточных городах, т.к. в действие вовлекались все присутствующие в карнавальных костюмах и масках. Подобные зрелища часто устраивались в городских общественных собраниях. Например, хабаровское Общественное собрание на Рождество и встречу 1902 года проводило членский маскарад, танцевальный вечер, вечер Общества вспомоществования нуждающимся учащимся, а вечером 1 января для «избранного общества» в доме главы местной администрации был дан костюмированный бал [17, 1901, 23 дек., с. 13].

Балы-маскарады стали обычным явлением в культурной жизни чиновничества в городах Дальнего Востока на рубеже XIX—XX вв. Уже в то время они не были приурочены только к Рождеству или Новому году, их устраивали и по другим праздникам, а иногда даже в обычные дни. Например, в течение всей масленичной недели в общественных, военных и прочих городских собраниях проходили балы, танцевальные вечера.

Всем праздникам, балам, маскарадам, приёмам, церемониям придавалось значение государственной важности. Они имели свои традиции и привычный набор церемониальных действий. Одной из важных функций балов, как и других форм культурной жизни горожан, было сплочение чиновничьего общества. Чинопочитание, которое вообще было характерно для старой России, проявлялось здесь с особой силой. Однако можно отметить и положительную сторону этого явления: общение с людьми, недавно прибывшими из столицы, обогащало культурный досуг новыми развлечениями. Например, бал для хабаровского общества и депутатов с мест в честь знакомства с Приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом (октябрь 1884 г.), организованный по высшему разряду, привёл гостей в смущение, поскольку многие блюда на столах были неизвестны даже местным гурманам. При переходе к танцевальной части бала, которую открыли барон Корф с супругой Софьей Алексеевной, выяснилось, что на Амуре не имеют представления о танцах, принятых в Петербурге и европейских странах. «Барон дружески пожурил общество за подобное невежество и показал наиболее простые фигуры модного краковяка» [5, с. 51].

Типы костюмов и порядок ношения масок регламентировались как традицией, так и правилами каждого маскарада, которые специально оговаривались в приглашениях. Но притягательность маскарада для большинства его участников заключалась не в танцах, а в возможности появиться в общественном собрании, сохраняя инкогнито, что создавало совершенно особую атмосферу, отличавшую маскарад от всех других светских развлечений. Так, 13 февраля 1900 г. в Общественном собрании Хабаровска с успехом прошёл «ситцевый маскарад» в честь вольного пожарного общества, объединивший большое количество публики, которая

была одета исключительно в ситцевые костюмы. Лучшие, по мнению жюри, наряды («пожарное депо», «сигнализация», «Портартур» — женские, «переселенец» — мужской) получили призы [17, 1900, 19 февр., с. 7].

На маскарадах допускалось переодевание мужчин в женское платье, а женщин — в мужское, при этом можно было наклеивать усы и бороды и даже использовать накладные груди. Вот как вспоминает маскарадные забавы жительница Владивостока американка Элеонора Лорд Прей: «Как-то раз на маскараде г-жа Лингольм взобралась на спинку стула пастора и перепрыгнула через его голову, с громким стуком опустившись на пол перед ним, и все думали, что это мужчина, переодетый женщиною, пока она не сняла маски» [27, с. 74].

Балы в городах юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. занимали определённое место в культурной жизни светского общества. В создаваемых культурных учреждениях — собраниях балы проводились регулярно, что подтверждалось уставными документами. Так, по уставу Николаевского общественного собрания ему предоставлялась возможность устраивать для своих членов и их гостей: балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 9. Л. 23]. Собрание было открыто для всех желающих с 11 час. утра до 1 час. ночи, за исключением последних трёх дней Страстной недели и первого дня Пасхи и Рождества Христова. На танцевальных вечерах, балах, маскарадах танцами распоряжался дежурный старшина, никто кроме него не мог изменить порядка танцев или распоряжаться музыкой [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 9. Л. 24—31].

Популярность маскарадов была столь велика, что на них стали смотреть как на источник средств для благотворительной деятельности. Так, в Общественном собрании Хабаровска много вечеров устраивалось с благотворительной целью, например, бал-маскарад в пользу Общества вспомоществования нуждающимся учащимся учебных заведений Министерства народного просвещения (1900, 1901), маскарад в пользу Хабаровского пожарного общества (1900), музыкально-литературный вечер в пользу постройки Народного дома (1901) и др. Особенно интересным был бал, прошедший 2 декабря 1901 г. по случаю перехода Хабаровского общественного собрания в новое помещение в доме Пьянкова. Присутствовало более трёхсот дам и шестисот мужчин. Бал начался гимном в исполнении любительского хора и оркестра, затем прозвучал хор пастухов и пастушек из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Танцевальную часть открыл полонез под музыку оркестра любителей, после которого «громадный зал нового помещения собрания огласился звуками великолепного вальса, соч. капельмейстера Гоха, и по гладко натёртому полу поплыли бесконечной вереницей пары многочисленных танцующих... Бал, оживлённый, небывало многолюдный, блиставший роскошными туалетами дам, затянулся до четырёх часов утра» [17, 1901, 9 дек., с. 7].

Маскарад, ориентированный на отдельного человека, всегда был праздником, игрой. Использование костюма и маски было обязательно. Основная идея маски — спрятать свою истинную сущность. Бал же подчинялся более строгим законам. Он предполагал определённую композицию, некоторую внутреннюю организацию, что ограничивало свободу поведения внутри него. Это был жёсткий ритуал и, как отмечал Ю.М. Лотман, «это вызывало необходимость ещё одного элемента, который бы в этой системе играл роль „организованной дезорганизации“ и предусмотренного хаоса, которым и стал маскарад» [16, с. 67; 12, с. 68].

В конце XIX в. общественные маскарады переросли в балы-маскарады. Существенным отличием их от предыдущих форм было то, что теперь в маскараде отсутствовал сюжет, и каждая маска вела себя независимо от других. Хотя у маскарадов существовали свои законы и запреты, всё же они значительно отличались от традиционных балов с их этикетом и строгим распорядком [12, с. 70]. Часто балы в дальневосточных городах проходили в форме привычных танцевальных вечеров. Уже первый танцевальный вечер в Общественном собрании Никольска-Уссурийского посетили 60—70 мужчин, 12 дам, хотя среди танцующих было семь человек, а на лёгкие танцы только четверо. Играли в карты, танцевали французскую кадрили [15, с. 76]. В 1907 г. городская общественность отметила ситцевый бал с призом за самый изящный костюм. Входная плата для мужчин составляла 1 руб. [22; 23].

В Николаевском общественном собрании в феврале 1910 г. прошли следующие вечера: на Сретение — общедоступный маскарад, спектакль драматического кружка, литературно-художественный вечер; на Масленицу — общедоступный маскарад, блины по подписке для членов и их гостей, семейно-танцевальный вечер, костюмированный членский вечер с выдачей призов, спектакль драматического кружка [4, 1910, 24 янв.].

Весело отмечалась Масленица в Коммерческом собрании Харбина в 1914 г. К традиционным блинам прибавилось выступление на сцене «Масленицы» с песнями и плясками. Играли балалаечники, пели вокалисты, выступали чтецы. Одна из местных остроумных дам, переодетая цыганкой, гадала для публики. Бал-маскарад с призами за лучшие костюмы продлился до глубокой ночи. Во время танцев и всеобщего веселья играл духовой оркестр [25, 7 февр., с. 2—3]. Участие дальневосточных оркестров в бальной и других церемониях, а также в вечернем отдыхе горожан способствовало формированию эстетического вкуса и любви к музыке.

По вторникам и четвергам в собрании проводились семейно-карточные вечера. Литературно-художественные вечера начинались в 7.30 час. вечера и оканчивались в 10.30 час., после чего следовали танцы до 2.30 ночи, на которые оставались только члены собрания. Мужчины на танцевальных вечерах и маскарадах обязательно носили сюртук, военные — форму по положению. Вход в танцевальный зал собрания во время маскарада дамам разрешался только в масках.

Существовали определённые правила оплаты вечеров. Так, на семейно-танцевальных вечерах с гостей-мужчин взималась плата в размере 1 руб. 25 коп., члены собрания с семьёй и дамы, введённые по рекомендации, пропускались бесплатно. Плата на маскарадах для членов собрания и дам составляла 1 руб., для мужчин, не являвшихся членами собрания, — 1 руб. 50 коп. На литературно-художественные вечера с танцами приобретались билеты в зрительный зал, а вход в собрание на танцы был бесплатным. Члены собрания пользовались 50%-ной скидкой с установленной цены входных билетов [4, 1910, 24 янв.].

Однако со временем маскарады теряли свою оригинальность и привлекательность, так как новых костюмов практически не демонстрировали. Одни и те же повторявшиеся маски, костюмы и даже жесты персонажей воспринимались как банальные. Вечера становились малоинтересными в связи с отсутствием свежести и новизны. Как отмечал наблюдатель, «не успеет маска войти в зал, как её уже безошибочно называют по имени и тут же, не стесняясь, определяют хронологию костюма, на ком он был раньше, и какие имелись изъяны и сделаны добавления» [4, 1911, 6 дек.].

Другим недостатком проводимых Собранием культурных мероприятий было недостойное поведение некоторых отдыхающих. Например, 27 ноября 1911 г. на семейно-танцевальном вечере в зале Собрания трое «служащих одной местной фирмы, дойдя под влиянием буфета до известного „настроения“, проявили несколько излишний... прилив развязности». Они «развязно танцевали и падали перед дамами на колени, „искренне“ благодаря за танец». Подобное поведение допускалось в местах «попроще», но не в Общественном собрании [4, 1911, 29 нояб.].

В результате были введены более строгие правила поведения, а список культурных мероприятий тщательно составлялся и утверждался Советом старшин каждый месяц с учётом праздничных и выходных дней. Например, в декабре 1911 г. прошли следующее вечера: общедоступный маскарад, семейно-танцевальный вечер, детская ёлка по подписке для детей членов и их гостей, общедоступный маскарад с призами (два дамских, один мужской), встреча Нового года по подписке и танцы для членов собрания и их гостей [4, 1911, 6 дек.].

Нередко балы устраивались по окончании спектаклей. Например, в январе 1911 г., после пьесы «Тёмное пятно» состоялся грандиозный ледяной бал-маскарад с призами, на котором учителя танцев П. М. Ключков и Э. Г. Цорн впервые представили новые салонные танцы «дирижабль» и «коханочка». Демонстрировались электрические качели [20, 20 янв.]. В декабре того же года перед балом-маскарадом с призами «за самые простые идейные костюмы» любительский оркестр балалаечников при участии г-ж Вышковской, Ральеро, Силинской и гг. Карабинина, Пасхалова дал спектакль-концерт [20, 5 дек.].

В обществе хорошо танцующих человек считался хорошо воспитанным, решающее значение в этом имели детские балы. Они были своеобраз-

разными репетициями перед выходом в свет. Детский бал был и школой светского общения; здесь в соответствии с традициями формировалось новое поколение светского общества, завязывались знакомства. Самой распространённой формой молодёжных празднеств были ученические балы, отличавшиеся массовостью и заразительным весельем. Так, хабаровский кадетский корпус 11 октября 1901 г. праздновал свою первую годовщину и тринадцать лет существования в Хабаровске военно-учебного заведения — хабаровской кадетской школы. На балу присутствовали ученицы хабаровской женской гимназии. «В перерывах между зажигательными танцами молодым людям были предложены чай с пирожками, холодные закуски, фрукты и сладости в изобилии» [17, 1901, 14 окт., с. 7—8].

В Общественном собрании Николаевска довольно часто проводились детские ученические вечера, на которых пели, декламировали, ставили любительские спектакли. Николаевскому обществу особенно запомнился ситцево-бумажный вечер 30 января 1911 г. в Общественном собрании, прошедший сравнительно оживлённо, несмотря на то, что костюмов было мало (всего 8—10). Первый приз получил идейный костюм «лебедь, щука и рак», изображавший состояние городских дел, в частности, затянувшихся выборов. Второй приз достался оригинальному костюму «бабочка». Определённого внимания заслужили «цветочница», «телефон» и «балерина» (сделан из цветной бумаги) [4, 1911, 1 февр.].

Обычно балы, устраиваемые для молодёжи, носили благотворительный характер. Например, в Коммерческом собрании в феврале 1914 г. прошёл бал-маскарад в пользу недостаточных учащихся при харбинских коммерческих училищах, а 1 мая состоялось открытие отремонтированного скетинг-ринга [25, 8 февр.; 8]. В Коммерческом собрании Никольска-Уссурийского 8 января 1911 г. был организован детский костюмированный вечер с призами за оригинальные костюмы. На следующий день, 9 января, прошёл ситцевый бал, также с призом за лучший костюм [24]. Торжественная, возвышенная, вдохновляющая, лиричная музыка в пространстве бала создавала благоприятную атмосферу для культурных форм поведения молодёжи и удовлетворения природной потребности в общении с представителями противоположного пола.

Танцы создавали условия для установления более тесных контактов между присутствующими. Цепь танцев организовывала и последовательность настроений. Каждый танец влёл за собой соответствующие темы разговоров. Вальс благоприятствовал нежным признаниям, во время кадрили партнёры успевали лишь обменяться отрывочными фразами, «мазурочная болтовня» позволяла изящно флиртовать, а котильон давал возможность вволю пошутить и повеселиться. Столь любимые публикой балы и балы-маскарады, устраиваемые городскими культурными учреждениями на Дальнем Востоке, опирались на поддержку городских властей. Например, благовещенское общество спорта 22 февраля 1910 г. в театре Общественного собрания устроило бал-маскарад с двумя мужскими и двумя женскими призами [21].

Таким образом, балы, маскарады и танцевальные вечера формировали культуру досугового времяпрепровождения дальневосточного общества, не обладавшего ярковыраженной сословной дифференциацией. Из множества этикетных правил и деталей поведения складывалась природа бала — своеобразного социального и культурного явления, занимавшего важное место в жизни городского населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И. Хозяйка залива счастья: книга о большой любви и исполненном долге. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1981. 224 с.
2. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990. 165 с.
3. Барышникова Т.К. Азбука хореографии. СПб.: «ЛЮКСИ», «РЕСПЕКС», 1996. 256 с.
4. Восточное Поморье. Николаевск-на-Амуре. 1865, 1910—1911.
5. Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1991. 256 с.
6. Гавликовский Н.Л. Руководство для изучения танцев. СПб., 1899. 256 с.
7. Де Рибас А.М. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. М.: Изд-во «Димомф и К°», 1995. 480 с.
8. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Харбин. 1914. № 17. С. 14.
9. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII — начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2010. 448 с.
10. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 329 с.
11. Каминская Н.М. История костюма. М.: Лёгкая индустрия, 1986. 128 с.: ил.
12. Карабанова С.Ф., Мельникова Л.А. От маски к имиджу. Владивосток: Дальнаука, 2009. 164 с.
13. Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 1997. 383 с.: ил.
14. Колесникова А.В. Бал в России: XVIII — начало XX века. М.: Азбука-классика, 2005. 304 с.
15. Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1997. 224 с.
16. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 398 с.
17. Приамурские ведомости. Хабаровск. 1900—1901.
18. Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестол. столицы. М.: Моск. рабочий, 1990. 410 с.
19. Тарабукин Н.М. Очерки по истории костюма. М.: Изд-во «ГИТИС», 1994. 160 с.: ил.
20. Текущий день. Владивосток. 1911.
21. Торгово-промышленный листок. Благовещенск. 1910. 21 февр.
22. Уссурийский вестник. Никольск-Уссурийский. 1907. 13 апр.
23. Уссурийский край. Никольск-Уссурийский. 1907. 21 февр.
24. Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1911. 8, 9 янв.
25. Харбинский Вестник. Харбин. 1914.
26. Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995. 583 с.
27. Элеонора Лорд Прей. Письма из Владивостока (1894—1930). Владивосток: Приморский музей им. В.К. Арсеньева; Альманах «Рубеж», 2008. 448 с.
28. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
29. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).